

-

*Посвящается Кристоферу Сайксу,
моему товарищу по оружию*

ПРОЛОГ

МЕЧ ПОЧЕТА

1

Медовый месяц Джарвиса и Гермионы, деда и бабки Гая Краучбека, протекал в Италии. Рим был тогда под защитой войск Наполеона III, верховный понтифик катался в открытом экипаже, кардиналы для верховых прогулок облюбовали Пинцийский холм — и дамские седла.

Двадцать палаццо распростирали объятия для молодой четы; чета удостоилась аудиенции у папы Пия, в ходе коей Его святейшество благословил союз двух английских семейств, принявших страдания за Веру, однако ж не потерявших веса. Даже в годы «католической угрозы» в брумской часовне аккуратно служились мессы, а брумские земли простирались от Квантокса до Блэкдаунских холмов, не урезанные ни на пядь и не обремененные ни шиллингом долга. Славные висельники имелись в обоих семействах. Рим захлестнула волна колоритных новообращенных — Вечный город по старой памяти впитывал пену.

Джарвис Краучбек оглаживал бакенбарды, поднимал ирландский вопрос и вещал о католической миссии в Индии. Слушали с интересом. Гермиону влекло к живописным развалинам; подле ее этюдника Джарвис декламировал Теннисона и Патмора. Она отличалась миловидностью и щебетала на трех языках; он воплощал джентльменский набор глазами латинянина. Приукрашенная чета была многократно превознесена и обласкана; о том, как чета несчастна, не догадывались. Ни вздохом, ни взглядом молодые не выдавали своего несчастья — однако же, когда смолкал стук последнего экипажа и закрывалась дверь спальни, скромность и страх перед девством продолжали точить и углублять прискорбную брешь, поминаемую обоими только в молитвах.

А потом молодые вместе с другими баловнями судьбы поднялись на яхту (дело было в Неаполе) и не спеша обследовали

побережье, к слову, весьма дикое. Тут-то, в каюте, стала наконец на место недостающая деталь их благословенной любви.

Они еще не спали и слышали, как смолк двигатель и громыкнула якорная цепь. На заре Джарвис вышел на палубу и обнаружил, что яхта стоит в тени большого полуострова. Джарвис позвал Гермиону; так, рука в руке, с мокрого гакаборта, они впервые увидели Санта-Дульчина-делле-Рочче — и умиленными сердцами прияли и землю сию, и народ, ее населяющий.

Люди толпились на берегу, словно из постелей их выгнало землетрясение; над водою звенели голоса, в голосах звенел восторг перед диковинным судном. От причала на гору взбегали домишки; над ними, белеными и охряными, с кровлями ржавой черепицы, нависали собор с волютами по фасаду и нечто вроде замка с двумя внушительными бастионами и разрушенною сторожевою башней — по крайней мере, таково было первое от нее впечатление. Городок упирался в террасированные поля, которые без предупреждения переходили в пустошь с валунами и диким шиповником. Будучи школьниками, Джарвис и Гермиона любили одну карточную игру — победитель в ней имел право крикнуть: «Мое!»

— Мое! — по праву счастливой новобрачной крикнула Гермиона.

Чуть позже англичане совершили высадку. Первыми, для страховки от приставучих туземцев, были пущены два члена команды. За ними шествовали четыре пары леди и джентльменов; далее — слуги, при корзинах для пикника, этюдниках и шалях. Леди были в белоснежных капитанках и частью с лорнетами, длинные юбки брезгливо подбирали. Джентльменам вменялось в обязанность держать над ними бахромчатые зонтики от солнца. Никогда еще Санта-Дульчина-делле-Рочче не видела подобной процессии. Англичане прошли под аркадами, ненадолго погрузились в прохладный полумрак собора. С базарной площади к замку вела лестница; ее предстояло преодолеть, чтобы увидеть укрепления.

К несчастью, от них осталось не много. Просторную мощеную площадку неумолимо разрушали сосны и раkitник. Сторожевая башня была засыпана щебнем. На склоне холма обнаружили два домика; камень на них явно пошел из благородных развалин. Два крестьянских семейства, размахивая мимозами,

выбежали навстречу англичанам. Решено было устроить пикник прямо здесь, в тенечке.

— Вы, верно, теперь разочарованы, — предположил владелец яхты. — С этими видами всегда одно и то же: только издали хороши.

— Ничего подобного, — запальчиво возразила Гермiona. — Это прелесть что такое! Мы будем здесь жить. И чтобы я больше слова дурного про наш замок не слышала!

Джарвис снисходительно посмеялся вместе со всей компанией, однако позже, когда отец его умер, когда казалось, что теперь они богаты, Гермioniна мечта осуществилась. Джарвис навел справки. Замок принадлежал престарелому генуэзскому адвокату; тот с радостью пошел на сделку. Вскоре на развалинах вырос дом, совсем без затей. Ароматы сосны и мирта подсластил милый сердцу аромат левкоев. Джарвис и название придумал — «Вилла Гермiony», да оно не прижилось. Вырезанные на воротах буквы, нарочито «аутентичные», совершенно скрыла жимолость. Жители Санта-Дульчины говорили о новом доме исключительно как о «Кастелло Краучбеков»; в конце концов Джарвис смирился и допустил сей титул на свою писчую бумагу. Таким образом, анналы лишились звучного имени амбициозной новобрачной.

Впрочем, дух свой Кастелло сохранял вопреки названию. В течение пятидесяти лет, пока над семейством Краучбеков не сомкнулись тени, он был местом, где радовались и любили. Отец Гая и сам Гай приезжали сюда на медовый месяц. По этому же поводу Кастелло всегда уступали друзьям и родственникам. Именно здесь Гай, малолетний и счастливый, проводил каникулы с братьями и сестрою. Городок слегка подвергся наступлению цивилизации; впрочем, высшие силы уберегли его, да и весь благословенный полуостров, как от железной дороги, так и от дороги автомобильной. Появилось еще несколько вилл, построенных иностранцами. Гостиница увеличила площадь, решила канализацию, кафе-ресторан и название «Отель Эдем»; последнее во время Абиссинского кризиса¹ было поспешно сменено на

---

¹ Во время Абиссинского кризиса (1935–1936, другое название — Вторая итало-эфиопская война) министром иностранных дел Великобритании был Энтони Иден (1897–1977). Именно его устами Британия выражала неодобрение действий Муссолини. Фамалия Иден по-английски означает «Эдем, рай». — *Здесь и далее примеч. перев.*

«Albergo del Sol»¹. Владелец гаража возглавил местную фашистскую ячейку. И однако, спустившись на площадь утром в день отъезда, Гай не увидел практически ничего, что не было бы знакомо Джарвису с Гермионой. Только что пробило одиннадцать, солнце нещадно палило, а Гай, как его дед с бабкой в утро тайного ликования, шел быстро, почти бежал. Как и для них, для него усилия любви наконец увенчались первым плодом. Гай успел упаковать вещи и оделся для долгой дороги; мысленно он уже ехал в Англию, чтобы служить своему королю.

Всего семь дней назад Гай развернул утреннюю газету. Заголовков извещал о российско-германском альянсе. Новость, потрясшая политиков и юных поэтов доброй дюжины мировых столиц, принесла умиротворение одному отдельно взятому английскому сердцу. Восемь лет это сердце томилось от стыда и одиночества, и вот срок истек. Восемь лет Гай, уже и так отделенный от людей своего круга глубокою раною, раною, из которой вместе с кровью непрестанно выходила из Гая жизнь и любовь, был лишен обязанностей, имевших власть поддержать его дух. Гай слишком долго прожил на родине фашизма, чтобы разделять восторги своих соотечественников. Фашизм представлялся Гаю не бедствием и не возрождением, а всего-навсего топорной импровизацией. Гая отталкивали рвущиеся к власти итальянцы; в то же время критика из уст англичан казалась ему до того бессмысленной и лицемерной, что в последние три года Гай вовсе не выписывал английских газет. Немецких нацистов он полагал людьми психически ненормальными и дурными. Их действия в Испании заслуживали всяческого осуждения. Впрочем, к событиям в Богемии, имевшим место год назад, Гай отнесся совершенно равнодушно. Когда пала Прага, он понял: войны не миновать. Он ожидал, что Англия ввяжется в войну с бухты-баряхты, сама не понимая для чего, не с теми союзниками, слабой, жалкой, неподготовленной. Теперь же все чудесным образом прояснилось. Враг наконец сбросил личину и явил свой истинный образ. Жуткий и омерзительный, вооруженный до зубов, на Гая надвигался Новый Век. И Гай решил: каковы бы ни были последствия, место в этой битве для него найдется.

¹ Гостиница «Солнце» (*ит.*).

Последние распоряжения в Каstellо были отданы. Гай даже визиты нанес все, какие следовало. Накануне он посетил протоиерея, подесту, мать-настоятельницу, миссис Гарри на вилле «Датура», Уилмотов в «Кастеллетто Мусгрейв», графиню фон Глюк в «Каза Глюк». Оставался один визит, сугубо личный. Тридцати пяти лет от роду, узкокостный, щеголеватый, явно иностранец, хотя и не обязательно англичанин, помолодевший сердцем, Гай спешил попрощаться с добрым другом, что лежал — как и пристало человеку, вот уж восемь столетий как мертвому, — лежал, стало быть, в приходской церкви.

Святая Дульчина, номинальная покровительница городка, считалась Диолектиановой жертвой. Восковая ее фигура покоилась под главным алтарем, в стеклянном ларце. Мощи же, не без заварухи доставленные с греческих островов еще в Средние века, хранились в ризнице, в драгоценной шкатулке. Раз в году, под ливнем фейерверков, нарядная процессия обходила с ними городок. Собственно, о мученице, давшей городку имя, только в этот день и вспоминали — сердца местных жителей узурпировала другая историческая личность. Усыпальница этой личности была завалена записками и записочками, пальцы рук и даже ног унижены разноцветными шерстяными нитками, завязанными на трогательный бантик — чтобы просьба не забылась. Сей покровитель возрастом превосходил самую церковь и все ее сокровища, за исключением непосредственно Дульчининых мощей да чертова пальца, реликвии еще дохристианской, скрываемой за алтарем (протоиерей, кстати, неустанно отрицал ее существование). Имя покровителя еще не стерлось на усыпальнице. Имя это было Роджер Уэйбрукский, рыцарь, англичанин; на гербе — пять соколов, одесную — меч и латная рукавица. Гаев дядюшка Перегрин, большой охотник до редкостей второ- и третьестепенной ценности, разыскал некоторые факты биографии сэра Роджера. Уэйброук, ныне Уэйбрук, где некогда стоял рыцарский замок, находится неподалеку от Лондона. Замок, конечно, давно погребен под более современными постройками, след его утерян. Сэр Роджер, крестonosец второй волны, начал поход из Генуи. У берегов счастливого полуострова корабль его потерпел крушение. Здесь он поступил на службу к графу, каковой граф обещался взять сэра Роджера в Святую землю, но прежде натравил

на своего соседа. Под соседскими стенами сэр Роджер и пал, причем в славный миг победы. Граф устроил пышные похороны, и вот сэр Роджер долежал, можно сказать, до наших дней. Церковь разрушалась и отстраивалась, а он, не достигший Иерусалима и утративший Уэйброук, путник и должник до скончания времен, был принят жителями Санта-Дульчина-делле-Рочче, привыкшими во всем усматривать чудеса и каждому усмотренному чуду верить охотнее и скорее, нежели непреложному факту. Итак, несмотря на многочисленные возражения клерикального характера, сэра Роджера причислили к лику святых, стали одолевать просьбами о помощи и «на счастье» прикасаться к мечу, чем довели последний до зеркального блеска. Едва ли не с детства — а теперь, в зрелом возрасте, особенно — Гай ощущал духовное родство с «il Santo Inglese»¹. Нынче, в день отъезда, он устремился прямо к гробнице и провел пальцем по лезвию, точь-в-точь как местные рыбаки. «Сэр Роджер, молись за меня, — прошептал Гай. — За меня и за наше королевство, ибо оно в беде».

Исповедальня была занята — в этот день сестра Томазина всегда приводила школьников, дабы покаяться. Дети сидели на скамье у стены, перешептывались и ципались; сестра квохтала над ними, по одному подталкивала к решетке, оттуда — к главному алтарю, где и надлежало перечислять провинности.

Не потому, что совесть его была нечиста, а единственно по привычке исповедоваться перед всякой дорогой Гай сделал знак сестре Томазине и вклинился перед очередным малолетним грешником.

— *Beneditemi, padre, perche ho peccato...*²

Гаю легче было исповедоваться на итальянском. Он говорил грамотно — и без неожиданных оттенков в словоупотреблении. Такая степень владения языком предполагала стандартный набор мелких нарушений канона, проистекающих единственно из простой человеческой слабости; риск выйти за рамки приближался к нулю. Гай не хотел — да и не мог — углубляться в пустыню, где чахла его душа. Слов описать эту пустыню у него не было. Таких слов не было ни в одном языке. Ибо нельзя описать вакуум иначе, как умолчанием. «Для психиатров я интереса не

¹ Святой англичанин (*ит.*).

² Благословите, отец, ибо я согрешил... (*лат.*)

представляю», — думал Гай. Скорбную душу его не терзали страсти космического масштаба — нет, восемь лет назад Гая всего-навсего постиг паралич в легкой форме. С тех пор все движения его души ощутило замедлились. Миссис Гарри свилы «Датура» назвала бы Гаево состояние заторможенностью. Ни убавить, ни прибавить.

Священник отпустил Гаю грехи традиционным «*Sia lodato Gesu Cristo*»¹, Гай отвечал «*Oggi, sempre*»², поднялся с колен, трижды произнес «Аве» пред восковой святой Дульчиной и, откинув кожаную занавесь, вышел на площадь, залитую слепящим светом.

Домишки на задворках Каstellо до сих пор населяли дети, внуки и правнуки пейзан, что с мимозою приветствовали Джарвиса и Гермиону. Род занятий они не сменили — по-прежнему обрабатывали террасированные поля. Лелеяли лозу и делали вино; продавали оливки; в подземном хлеву держали чахлую корову — периодически несчастной удавалось сбежать, она вытаптывала грядки и сигала через низкую изгородь, пока не бывала поймана и водворена обратно в темницу, причем по накалу страстей зрелище тянуло на полноценную театральную постановку. За аренду платили продуктами и услугами. Сестры Жозефина и Бьянка выполняли домашнюю работу. К возвращению Гая из церкви они накрыли стол под апельсиновыми деревьями — для прощального обеда. Гай съел спагетти и выпил местное *vino scelto*, красно-бурое, хмельное. И тут Жозефина торжественно внесла огромный нарядный пирог, специально испеченный по случаю его отъезда. Вялый Гаев аппетит был уже удовлетворен. С тревогою он смотрел, как Жозефина орудует ножом. Отведал. Превознес как мог. Раскрошил по тарелке сколько смог. Жозефина и Бьянка стояли над ним, неумолимые, что твои Эринии.

Такси было уже подано. Подъездной аллеи, в силу ландшафта, Каstellо не полагалось — от каменной лестницы к воротам вела пешеходная дорожка, и только. Гай поднялся. Как из-под земли выросли домочадцы, числом двадцать человек. Даже от сиесты отвлеклись, чтоб его проводить. Каждый приложился к Гаевой руке. Многие всплакнули. Дети натащили цветов. Жозефина сунула Гаю на колени пирог в газете. Ему махали, пока

¹ Слава Иисусу Христу.

² И ныне, и присно, и во веки веков (лат.).

такси не скрылось из виду, потом вернулись к делу более важному. Гай переложил пирог на заднее сиденье и вытер руки носовым платком. Слава богу, все позади. Он стал ждать, пока заговорит секретарь фашистской ячейки.

Гай знал: его не любят. Ни в доме, ни вообще в городе. Принимают, уважают — но местным он не *simpatico*. Графиня фон Глюк, которая по-итальянски только на пальцах и с собственным дворецким не таясь сожительствует, — та да, та — *simpatica*. Миссис Гарри, которая протестантские трактаты распространяет, учит рыбаков методам убиения осьминогов и бездомных кошек приваживает, — та тоже *simpatica*.

Гаев дядюшка Перегрин, известный зануда, проклятие и бич светских салонов, — дядюшка Перегрин считается у местных *molto simpatico*. Или взять Уилмотов. Это же варвары, применяют к Санта-Дульчине принцип «После нас хоть трава не расти», не жертвуют на благотворительность, устраивают безобразные вечеринки, неприлично одеваются, говорят «итальяшки» и имеют привычку съезжать, не расплатившись с лавочниками, — но их четыре дочери, невоспитанные дурнушки, в Санта-Дульчине выросли, а, паче того, сын погиб, здесь же, когда вздумал со скал понырять. Для местных Уилмоты что неблизкая родня — такие тоже нужны, надо ведь кому-то кости мыть, чьим-то неприятностям радоваться, провожать, за лето промотавшихся и присмиревших, с распростертыми объятиями. Уилмоты — *simpatici*. Даже Мусгрейв, прежний владелец Кастеллетто (замок его имя сохранил), Мусгрейв, которому, по слухам, въезд в Англию и Америку заказан — там уже и ордера на арест готовы, Чудовище Мусгрейв, как называли его Краучбеки, — и тот *simpatico*. И только Гай, которого местные с детства знают, который на их языке говорит и их религию исповедует, не скупится на пожертвования и до болезненности щепетилен в вопросах обычаев и традиций; Гай, дед которого построил в Санта-Дульчине школу, а мать для ежегодных шествий с мощами святой Дульчины подарила ризы, выполненные мастерицами Королевской школы вышивания, — Гай здесь чужой.

- Надолго уезжаете? — спросил чернорубашечник.
- Пока война не кончится.
- Можно подумать, она начнется. Кому она нужна? Кто в ней победит, сами подумайте!

На каждой стене, где окна не мешали, красовалось трафаретное лицо Муссолини и лозунг «Вождь всегда прав». Фашистский секретарь снял руки с руля, закурил и прибавил скорости. «Вождь всегда прав», «Вождь всегда прав»... Надпись мелькнула напоследок и скрылась в облаке пыли.

— Война — большая глупость, — изрек фашист-недоучка. — Вот увидите, наши все уладят.

Гай промолчал. Ни слова, ни мысли таксиста его не интересовали. Вот миссис Гарри — та непременно затеяла бы спор. Однажды она нарвалась на этого таксиста — и потребовала остановить машину, и прошагала целых три мили по жаре, чтобы показать, до какой степени не разделяет его политических убеждений. У Гая, напротив, не было желания ни склоняться на свою сторону, ни внушать, ни вообще высказывать свое мнение. Несмотря на религиозность, выражения типа «брат во Христе» не находили у него отклика. Часто Гай жалел, что не родился во времена гонений на католиков, не несет службу в Бруме — единственном оплоте истинной Веры, окруженном врагами. Порой он даже воображал, как пред концом света, в катакомбах, assisteрует последнему папе на последней мессе. По воскресеньям Гай в церковь никогда не ходил — только по будням, с утра, пока народу нет. Жители Санта-Дульчины предпочли ему Чудовище Мусгрейва; хорошо же. После развода по первости у Гая было несколько любовных связей, жалких и непродолжительных; он их тщательно скрывал. Потом стал практиковать полное воздержание, которое даже священники находили противоестественным. Собственно, Гай и не льстил себе соображением, что не принимает его одна бессмысленная чернь. А уж слушать умничанья таксиста и вовсе сил не имел.

— История — это стихия, — меж тем цитировал таксист свеженькую статейку. — Нельзя ставить в ней точку, когда вздумается, и говорить: «После такой-то даты изменений не будет». Народы — они как отдельные люди: тоже стареют. Как отдельные люди, отдельные народы живут богато, отдельные — не могут выбиться из нищеты. Почему я и говорю: наши все уладят. Если война начнется, все в нищете окажутся. Наши это знают. Они не допустят войны.

В слова Гай не вникал, на голос таксиста реагировал без раздражения. Его уже давно беспокоил только один жалкий во-

просец: что делать с пирогом? В такси оставить нельзя: Бьянка с Жозефиной непременно узнают. В поезд тащить неудобно. Гай усиленно вспоминал, есть ли дети у вице-консула, с которым он намеревался обсудить некоторые детали выезда из Кастелло. Вроде есть. Решено: пирог пойдет детям.

Если не считать этой сладкой обузы, Гай уезжал налегке. Ничто не могло поколебать его счастливо обретенной уверенности — так же, как ничто не могло умалить прежнего горя. *Sia lodato Gesu Cristo. Oggi, sempre.* Да, именно сегодня; только сегодня.

2

Еще недавно Краучбеки процветали и славились многочисленностью; теперь ситуация изменилась. Гай был младший и, по всей вероятности, последний ребенок в семье — мать его умерла, отцу перевалило за семьдесят. Всего родилось четверо детей. Сначала Анджела, единственная дочь; потом Джарвис. Прямым из даунсайдской католической школы он попал в полк Ирландских гвардейцев; в первый же день во Франции его настигла снайперская пуля. Джарвис погиб на месте, не успел ни обрасти окопной коростой, ни ошалеть от окопного сидения — бежал по настилу в штаб отметиться, из-под досок брызгала грязь... Айво с Гаем разделял всего год, однако они никогда не дружили. Странности в поведении, с детства отличавшие Айво, прогрессировали, и вот в возрасте двадцати шести лет он сбежал из дому. Его искали несколько месяцев и наконец обнаружили в меблированных комнатах в Крикльвуде — Айво забаррикадировался, потому что вздумал уморить себя голодом. Истощенного, измученного, в бреду, Айво вызволили, но было поздно — через несколько дней безумец умер. Это случилось в 1931-м. Тогда же Гая постиг личный крах; неудивительно, что смерть Айво иногда казалась ему безжалостной карикатурой на собственную жизнь.

Прежде чем странности Айво стали вызывать серьезные опасения, Гай женился на девушке не просто красивой, но яркой и своевольной — чем немало удивил родных и друзей. Вдобавок жена его не была католичкой. Гай взял долю младшего сына из сильно сократившегося семейного капитала и уехал в Кению. Поселился у горного озера, где воздух был хрустальный, а на рассвете снималась с мест стая фламинго. Сначала птицы каза-

лись белыми, потом розовыми; наконец на фоне ослепительного неба умалялись до курчавящихся теней. Здесь, как впоследствии казалось Гаю, он жил точно в Эдеме. Трудился на ферме — она стала почти доходной. Ни с того ни с сего жена заявила, что по состоянию здоровья должна уехать в Англию, примерно на год. Она писала регулярно, на ласковые слова не скупилась — и вдруг, не меняя тона, сообщила, что без памяти полюбила их знакомого Томми Блэкхауса, советовала не сердиться и требовала развода. Письмо заканчивалось так: «Милый Гай, не вздумай приехать в Брайтон „защищать мою честь“, а то знаю я тебя. Тогда мне придется расстаться с Томми на целых шесть месяцев, а его и на шесть минут из поля зрения выпускать нельзя, шалуна этакого».

Итак, Гай уехал из Кении вскоре после того, как овдовевший и разочарованный в единственном наследнике отец его покинул Брум. На тот момент собственность Краучбеков сократилась до особняка с парком и фермы. В последние годы Брум-Холл был известен как едва ли не единственная усадьба, которая со времен Генриха I наследовалась исключительно по мужской линии. Мистер Краучбек не продал ее, а сдал в аренду монастырю, сам же удалился в курортный городок Мэтчет. Лампада в брумской часовне, однако, не гасла, совсем как в старые времена.

Никто с такою ясностью не прозрел закат Дома Краучбеков, как Артур Бокс-Бендер, Гаев зять. Бокс-Бендер женился на Анджеле в 1914 году, когда будто само воинство небесное поддерживало Брум, сей незыблемый оплот традиций и ненавязчивый образчик добродетели. Бокс-Бендер был человек незнатный — родословная Анджелы вызывала его непреходящее восхищение. Одно время он думал даже изменить фамилию: вместо «Бокс» — или вместо «Бендер», какая разница, — писать «Краучбек». Тесть выслушивал эти прожекты с ледяным безразличием, жена подпускала шпильки — вот Бокс-Бендер и счел за лучшее остаться при своем, причем счел быстро. Католичества он не исповедовал и первейшим долгом Гаю почитал снова жениться, предпочтительно на богатой наследнице, и продолжить род. Чуткостью Бокс-Бендер тоже не отличался и Гаевой добровольной изоляции сильно не одобрял. Гай-де должен заняться брумской фермой. Или политикой. Гай и ему подобные, при свидетелях говаривал Бокс-Бендер, находятся в долгу перед Отечеством; когда

же в августе 1939-го Гай прибыл в Лондон с целью долг этот отдать, сочувствия в Бокс-Бендере он не обнаружил.

— Милый мой Гай, — осклабился Бокс-Бендер, — и когда ты только повзрослеешь.

Пятидесятишестилетний член парламента, Артур Бокс-Бендер в свое время с честью прошел службу в стрелковом полку, где теперь служил его единственный сын. В представлении Бокс-Бендера полк был что сахарная помадка или рогатка — исключительно для юнцов. Гаю до тридцатилетия оставалось два месяца, однако он по инерции считал себя молодым человеком. В последние восемь лет время для него не двигалось. Для Бокс-Бендера — летело.

— Нет, Гай, ты вообрази: Краучбек с воплем «За мной!» кидается в атаку. Смех, да и только.

— Уже вообразил, — отвечал невозмутимый Гай. — Собственно, именно эту сцену я всегда и воображаю.

В Лондоне Гай обыкновенно останавливался у сестры и зятя на Лаундс-сквер. Он и сейчас с вокзала «Виктория» отправился прямо туда — и обнаружил, что Анджела уехала в загородный дом, а Бокс-Бендер вывез почти всю мебель, только собственный кабинет не тронул. В кабинете они с Гаем и сидели, дожидались, когда пора будет идти ужинать.

— Боюсь, Гай, сочувствия ты не найдешь, — продолжал Бокс-Бендер. — Эффект дежавю: в четырнадцатом году отставные полковники тоже и седину закрашивали, и в чинах себя понижали. Я сам видел. Я сам там был. Патриотично, ничего не скажешь, только на сей раз не прокатит. Все спланировано. Правительство точно знает, сколько в стране мужчин призывного возраста; знает оно, и где этих мужчин искать. Вниманием ни одного не обойдут, не сомневайся. В настоящий момент у нас ни лишних шинелей, ни винтовок нет. Конечно, людские потери могут быть, но, по-моему, в предстоящей войне люди — вообще дело десятое. Сам подумай, где нам сражаться? Мы что, сумасшедшие — линию Мажино пересекать или там линию Зигфрида? Мне так представляется: обе стороны сидят и не высовываются, пока не начнут ощущать на себе хватку экономических тисков. У немцев ведь ресурсов, считай, никаких. Как только немцы поймут, что мистер Гитлер все это время успешно блефовал, тут мистеру Гитлеру и капнут. Причем они, немцы, сами с ним разбе-

ругся, без посторонней помощи. С нынешней шайкой, которая в Германии хозяйничает, ясное дело, никаких переговоров происходить не может, зато, когда немцы выберут адекватное правительство, мы с ним все и утрясем.

— Вчера мне то же самое таксист говорил. В Италии.

— Вот! А я о чем! Нужно независимое, здравое суждение — обратиться к таксисту. Я сам вчера с таксистом разговор имел. И знаешь, что услышал? «Когда война начнется, тогда и будем о ней говорить. А пока не началась, чего воду в ступе толочь?» По-моему, очень здраво.

— А к чему тогда, как не к войне, ты так тщательно подготавлился?

Действительно, всех трех дочерей Бокс-Бендер отослал в Коннектикут, в семью партнера по бизнесу. Из дома на Лаундс-сквер вывозились вещи, комнаты запирались. Кое-какая мебель поехала в загородный дом, остальной место на складе. Бокс-Бендер с тремя коллегами из палаты общин снял огромную роскошную квартиру; снял смехотворно дешево. Однако самым ловким ходом его был следующий — предложить дом на Лаундс-сквер в качестве хранилища «Сокровищ нации». Теперь здесь точно никого не расквартируют и помещение ни под какой, к примеру, госпиталь не займут. Бокс-Бендер только что сам похвастался. Теперь он вместо ответа включил радио.

— Не возражаешь? Я только на минутку. Может, что новенькое скажут.

Однако новенького ничего не сказали. В том числе об «улаживании». Сборные пункты для эвакуированных из густонаселенных районов работали как часы; довольные матери с детьми распределялись по новым домам, где неминуемо находили преданных и заботливых друзей. Бокс-Бендер выключил радио.

— В полдень то же самое говорили. Знаешь, нынче все только и делают, что ручки радиоприемников крутят. Я сам кручу — а раньше к этой штуковине и близко не подходил. Кстати, Гай, если действительно хочешь пригодиться родине, вот тебе идея. Сейчас большая надобность в людях, которые языками владеют. Би-би-си они нужны — для пропаганды, прослушки и прочей белиберды. Это тебе, конечно, не взвод в атаку вести, но кто-то ведь должен и такими делами заниматься, а ты итальянский как родной знаешь.

Шурин с зятем никогда в приятелях не ходили. Гай не задумывался, каково Бокс-Бендерово мнение о нем, — зная Бокс-Бендера, он не предполагал даже наличия этого мнения. Бокс-Бендер же который год ждал Гаева сумасшествия, коими ожиданиями простодушно поделился с женой. Образным мышлением он не отличался, впечатлительностью — тоже. Но Бокс-Бендер активно помогал искать Айво — и вытаскивать его из убежища. События эти запали ему в душу. Между Гаем и Айво Бокс-Бендеру мнилось зловещее сходство. Он помнил, как смотрел Айво, когда странности его, хотя и значительные, еще только балансировали на грани, еще не могли быть сочтены полноценным безумием. О нет, взгляд тогдашнего Айво не отпугивал вселенскою пустотой — взгляд был уверенный, будто Айво четко видел цель; будто он один ее и видел. Так вот, в Гаевых глазах отражалась та же уверенность в «предназначении». Гай свалился как снег на голову, сидит на Лаундс-сквер, мямлит про Ирландских гвардейцев, избегает слов «долг» и «жертва». Теперь добра не жди. Надо бы его определить куда-нибудь на радио, что ли, от греха подальше.

Ужинать они отправились в «Беллами». В этот клуб автоматически попадали все Краучбеки мужского пола. Джарвис, например, значился в почетном списке 1914–1918 годов, вывешенном в холле. Бедняга Айво сиживал здесь в эркере, пугал прохожих застывшим взглядом. Гая записали еще юношей. В последние годы он ходил в «Беллами» крайне редко, но членство сохранял. Место было историческое. Когда-то пьяные игроки, поддерживаемые факельщиками, нетвердую поступью спускались к своим каретам. Теперь Гаю с Бокс-Бендером пришлось подниматься чуть ли не на ощупь. Стеклопанная входная дверь по причине затемнения была покрашена. Между нею и вторыми дверьми помещался жутковатый вестибюльчик, еле-еле освещенный фосфоресцирующей лампой. Зато за ним уже сияли огни, шумели люди, клубился сигарный дым и сгущались алкогольные пары. Затемнение только-только ввели, проблему вентиляции пока не решили.

Клуб как раз открылся после ежегодного косметического ремонта. Если бы не война, он бы сейчас пустовал, а так народу было не протолкнуться. Гай знал многих, не дружил ни с кем. Его поприветствовали, он ответил — и услышал за спиной:

— Вы с ним знакомы? Новичок небось?

— Нет, он здесь чуть ли не с рождения числится. Ни за что не угадаете, кто это. Первый муж Вирджинии Трой, вот кто.

— Да что вы? Я думал, первый муж у нее был Томми Блэкхаус.

— Нет, этот успел до Блэкхауса. Не припомню его фамилии. Кажется, он в Кении живет. Томми отбил у него Вирджинию, потом она числилась за Гасси, а потом Берг Трой подсуетился, как раз когда у нее вышел перерывчик.

— Шикарная женщина. Я бы тоже с ней не прочь.

Клуб «Беллами» не отказывал членам в удовольствии трепать женские имена.

Бокс-Бендер с Гаем выпили, поужинали и снова стали пить, уже в компании, состав которой за вечер не раз поменялся. Разговоры велись исключительно на животрепещущие темы; Гай немало узнал о жизни военного Лондона. Говорили о приготовлениях к худшему. Гаю открылось, что лондонцы судорожно пытаются свести к минимуму возможные потери. Бокс-Бендеровы приготовления в миниатюре отражали происходящее в стране. Всюду закрывались дома, мебель отправлялась на склады, а дети — за океан, прислуга получала расчет, газоны превращались в огороды, вдовьи дома и охотничьи временки заселялись под завязку, тещи и нянюшки обретали полномочия домоправительниц.

Четко прослеживалась мысль, что затемнение на руку криминальным элементам и просто безответственным гражданам. Некая леди после поездки на такси осталась без единого зуба. Некого джентльмена на Хэй-Хилл оглушили и освободили от выигрыша в покер. А другого сбила «скорая помощь» — и оставила умирать на улице.

Говорили и о службе. Многие были в военной форме. Для совместного проведения войны собирались группки, как для бильярда или пикника. Например, собралась уже группка эстетов под рабочим названием «батальон светских львов» — «львы» нацеливались на прожекторный дивизион территориальной армии. Биржевые маклеры с виноторговцами имели видны на штаб Лондонского военного округа. Кадровые военные пребывали в двенадцатичасовой боевой готовности. Яхтсмены вырядились в форму Королевского добровольческого морского

резерва и стали отращивать бороды. Гай почувствовал себя чужим и никчемным.

— Мой шурин хочет поступить на службу, — произнес Бокс-Бендер.

— Поздновато спохватились. Все уже при деле. Конечно, когда рванет, сразу и вакансии появятся. Подождите, мой вам совет.

Засиделись допоздна — каждому претила сама мысль о том, чтобы выйти в темноту. На автомобиле приехать никто не решился; такси не поймать. В итоге в группы стали собираться те, кому было по пути. Гай с Бокс-Бендером двинулись к Белгравии в составе такой группы. На нетвердых ногах они сошли с крыльца. Темнота обескураживала, дезориентировала в пространстве и во времени. Будто Гай и Бокс-Бендер перенеслись на две тысячи лет назад, будто Лондон — снова кучка лачуг над рекою да частокол, будто под ногами болотная хлябь, а на расстоянии вытянутой руки — густая осока.

Следующие две недели Гай, можно сказать, провел в «Беллами». Ночевал он в гостинице, сразу после завтрака, словно клерк в контору, отправлялся на Сент-Джеймс-стрит. Там он писал письма. Устраивался в уголке малой столовой и строчил, строчил, день ото дня совершенствуясь в подобострастии.

«Уважаемый генерал Каттер, прошу простить за беспокойство, доставляемое в столь нелегкое время. Надеюсь, в Вашей памяти, как и в моей, жив тот счастливый день, когда Брэдшоу привезли Вас ко мне в Санта-Дульчину, мы отправились на морскую прогулку, во время которой весело и тщетно пытались пронзить острой...»

«Уважаемый полковник Гловер, я пишу к Вам потому, что Вы служили с моим братом Джарвисом и были ему другом...»

«Милый Сэм, хоть мы и не видались с тобой после окончания школы, я следил за твоими успехами с восторгом и гордостью оттого, что мы столь коротко знакомы...»

«Дорогая Молли! Да, я отдаю себе отчет в том, что мне этого знать не полагается. И все же: Алекс служит в Адмиралтействе, и он там большая и сверхзасекреченная шишка. А еще мне известно, что Вас он боготворит. Поэтому, умоляю, станьте моим добрым ангелом, замолвите словечко...»

Гай положительно сделался профессиональным просителем.

Как правило, ему отвечали — приходила напечатанная на машинке записка или раздавался телефонный звонок секретарши или адъютанта, назначалась встреча на нейтральной территории или территории предполагаемого благодетеля. Однако ничего утешительного Гаю не говорили.

— Костяк у нас сформирован еще во времена Мюнхена. Полагаю, мы будем расширяться, как только станет известно, каковы наши задачи, — примерно так начинали разговор в гражданских учреждениях. — Согласно последним распоряжениям, нам не рекомендуется раздувать штаты. Буду иметь вас в виду. Лично прослежу, чтобы вам сообщали о переменах в кадровой политике.

— Пушечное мясо нам пока не нужно, — без обиняков говорили в учреждениях военных. — Мы хорошо усвоили урок 1914 года, больше генофондом разбрасываться не намерены. До сих пор последствия расхлебываем.

— Из меня генофонд сомнительный, — возражал Гай. — Я только на бойню и гожусь. Семьи у меня нет. Никаких знаний или ценных навыков — тоже. А главное, я старею. Отправьте меня в бой. И вообще, следует призывать тридцатипятилетних, чтобы молодые успели завести сыновей.

— Боюсь, власти на этот счет другого мнения. Буду иметь вас в виду. Лично прослежу, чтобы вам сообщали о переменах в кадровой политике.

В те дни Гаева фамилия была внесена в добрую дюжину списков, а его немногочисленные навыки и умения резюмированы и зафиксированы в доброй дюжине секретных реестров, где благополучно и пролежали добрую дюжину лет, до утилизации.

Англия вступила в войну, однако на письма и собеседования, к которым Гай успел привыкнуть, сей факт никоим образом не повлиял. Пока не бомбили. Газами не травили, огнем не поливали. Кости ломались, но исключительно в темное время суток. Вот, пожалуй, и все. «Беллами» наводнили мрачные граждане старше Гая, бесславно прошедшие Первую мировую войну. Большинство попали в окопы прямо со школьной скамьи и всю оставшуюся жизнь тщились выбросить из памяти грязь, вшей и завывания канонады. Они получили приказ ждать приказа — и в ожидании рисовали себе и всем, кто соглашался слушать,

тоску железнодорожных станций, доков и перевалочных пунктов. Воздушный шар взмыл в небо — балласт остался на земле.

Русские вошли в Польшу. Среди «стариков» Гаево негодование не сочувствия не встретило.

— Дружище, нам и так забот хватает. Нельзя же с целым миром воевать.

— Зачем тогда вообще было ввязываться в войну? Если мы об одном материальном благополучии печемся, выплатили бы просто Гитлеру, что ему там надо, — и то было бы разумнее, чем за победу бороться. А если нас справедливость волнует, так русские не меньше немцев виноваты. Они друг друга стоят.

— Ха, вспомнил про справедливость! — восклицали «старики».

— Чтоб ты знал, — выдал позднее Бокс-Бендер (тема, казалось, вообще никого не заботила, кроме Гая), — Англия на это не пойдет. Мы битых пять лет выслушивали вопли социалистов «Караул, Гитлер! Нет фашизму!», но на самом-то деле они все пацифисты. Весь их вялый патриотизм — для русских. Попробуй мы только поднять вопрос справедливости — и получим общую забастовку с кризисом в придачу. Нет, справедливость для нас нынче непозволительная роскошь.

— Почему мы тогда воюем?

— Потому что мы не можем не воевать. Социалисты всегда считали нас сторонниками Гитлера, один бог знает почему. И один бог знает, чего нам стоил нейтралитет в испанском конфликте. Ты в это время в Италии жил — ты не представляешь, какие тут были настроения. Мы на грани балансировали, буквально на грани, уж мне-то поверь. Если во второй раз от мировых проблем дистанцируемся, хаос нам обеспечен. Сейчас надо локализовать войну, как пожар, не дать ей дальше распространиться. А ты — справедливость, справедливость...

Подытоживала каждую такую дискуссию темнота. Обескураженный Гай спускался с клубного крыльца, метафора била в лоб. «Беллами» закрывался на ночь, «старики», молодые военные и политики расходились группами, всегда в одном и том же составе. Сыскивался попутчик и Гаю. До самой гостиницы в распоряжении его была дружеская рука. Рука — но не сердце.

Шептались о таинственных ведомствах, известных только по аббревиатурам; служили в них исключительно шпионы.

Клерки, игроки и сотрудники нефтяных компаний туда пролезли; Гаю вход был заказан. Он встретил знакомого, журналиста, который однажды приезжал в Кению. Этот журналист, лорд Килбэнк, еще недавно оттачивал стиль на рубрике «Вести с ипподрома», а теперь щеголял в форме Военно-воздушных сил.

— Как вам это удалось? — опешил Гай.

— История не слишком красивая. Есть некий маршал ВВС, его жена играет в бридж с моей женой. Так вот этот маршал спит и видит, как бы стать членом «Беллами». Ну я его и порекомендовал. Дряннь человек.

— Так он будет числиться в «Беллами»?

— Не беспокойтесь, я уже подсуетился. Три голоса «против» его кандидатуре гарантированы. А из ВВС он меня теперь не выгонит.

— А в чем состоит ваша служба?

— Тут тоже гордиться нечем. Я — сопровождающий офицер, так это называется. Вожу американских журналистов по нашим базам истребительной авиации. Ну да ничего, скоро что-нибудь поприличнее подвернется. Великая вещь форма: надел — и карьера, считай, началась. А нынешняя война и вовсе ни на что не похожа. Уникальнейшие возможности предоставляет. Главное — в кадровые военные попасть, а там уж все дороги открыты. Я вот подумываю об Индии или Египте. Вообще любая точка стодится, лишь бы затемнения не было. Вчера вечером моего соседа свинцовой дубинкой по темени огрели, причем прямо на лестнице. А ведь на его месте мог быть я. В общем, здесь становится опасно. За наградами я не гонюсь. Пусть лучше меня вспоминают как ловкого парня, который родине послужил и себя не обидел. Давайте выпьем.

Так проходили Гаевы вечера. А просыпался он в своей гостиничной кровати ни свет ни заря — его терзало беспокойство. Через месяц Гай решил навестить родных.

Начал он с сестры. Анджела жила теперь в Глостершире, в доме, который Бокс-Бендер купил, когда его избрали в парламент.

— У нас тут нищета ужасающая, — заверила по телефону Анджела. — Мы даже в Кембле теперь гостя встретить не можем — бензина нет. Придется тебе пересаживаться на местный поезд.

СОДЕРЖАНИЕ

ВООРУЖЕННЫЕ ЛЮДИ

Перевод Ю. Фокиной

Пролог. Меч почета	7
Книга первая. Эпторп достославный	44
Книга вторая. Эпторп неистовый	143
Книга третья. Жертвоприношение Эпторпа	209

ОФИЦЕРЫ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

Перевод Г. Косова

Книга первая. Счастливые воины	263
Книга вторая. Место в общей картине	386
Эпилог	539

БЕЗОГОВОРОЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ

Перевод Ю. Фокиной

Пролог. Годы лишений	547
Книга первая. Государственный меч	555
Книга вторая. Fin de ligne	593
Книга третья. Стремление к смерти	703
Эпилог. Триумф Британии	793

Во И.

В 61 Офицеры и джентльмены : трилогия / Ивлин Во ; пер. с англ. Г. Косова, Ю. Фокиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 800 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-19460-1

В романной трилогии «Офицеры и джентльмены» («Меч почета», 1952–1961) английский писатель Ивлин Во, известный своей склонностью выносить убийственно-ироничные приговоры не только отдельным персонажам, но и целым сословиям, обращает беспощадный сатирический взгляд на красу и гордость Британии — ее армию. Проследив судьбу лейтенанта, а впоследствии капитана Гая Краучбека, проходящего службу в Королевском корпусе алебардчиков в годы Второй мировой войны, автор развенчивает державный миф о военных — «строителях империи». Наивное восхищение главного героя «вооруженными людьми» и его возвышенные мечтания о доблести, подвигах и служении отечеству мало-помалу уступают место острому разочарованию, которое завершается «безоговорочной капитуляцией» прежних романтических идеалов Краучбека перед лицом неприглядной реальности одряхлевшей военной машины «старой доброй Англии» — с ее бюрократизмом, карьеризмом, чиновничеством и коррупцией, глупостью, напыщенностью, трусостью и подчас бессмысленной жестокостью...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ИВЛИН ВО

ОФИЦЕРЫ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ТРИЛОГИЯ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ольга Золотова, Ольга Попова

Подписано в печать 26.04.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 50. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-28217-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/